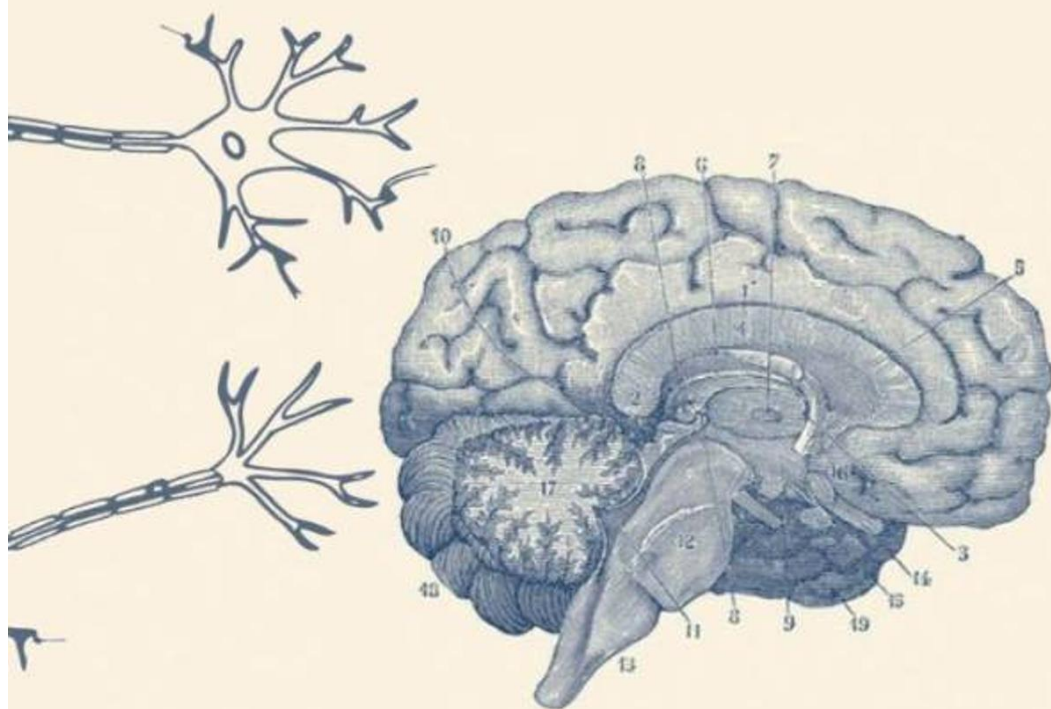

Барт Давлетгараев

ВСЕЛЕННАЯ НУЛЕВОГО ВОЗРАСТА

18+

Барт Давлетгараев

**ВСЕЛЕННАЯ
НУЛЕВОГО ВОЗРАСТА**

«Автор»

2026

Давлетгараев Б. Д.

**ВСЕЛЕННАЯ НУЛЕВОГО ВОЗРАСТА / Б. Д. Давлетгараев —
«Автор», 2026**

Возможна ли победа над смертью и долгосрочное выживание без полного отказа от человеческой формы? Эта книга художественный аудит вопроса, а так же полный оригинал сокращённого рассказа «Опцион на коннекторе». Книга написана с небольшим обилием медицинских и технических терминов. Внимание! Информация в данной публикации предоставляется "как есть" и выражает частное мнение автора. Книга не является призывом к действию, догмой или руководством. Ни автор, ни издатель не несут ответственности за интерпретацию текста читателем и возможные последствия его практического применения.

© Давлетгараев Б. Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Ишемическое	5
Глава 2	7
Протокол	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Барт Давлетгараев

ВСЕЛЕННАЯ НУЛЕВОГО ВОЗРАСТА

Глава 1

Ишемическое ОКНО

На тридцать седьмой минуте совещания доктор Леон Ксавье поймал себя на том, что смотрит на левую ладонь и не может вспомнить название мышцы, которая управляет отведением мизинца. Ладонь была сухой, с легким синеватым оттенком под ногтями — следствие сужения периферических сосудов.

Анатомический атлас в его голове, всегда безупречный, словно отсканированный в высоком разрешении, выдал серый квадрат. Информационный шум. Деграция инфо-архитектуры.

— Доктор Ксавье, если мы подпишем контракт с фондом до пятницы, они зафиксируют долю в эндаументе на уровне двенадцати процентов, — говорил Савельев, юрист компании. Он проецировал на стекло стола графики доходности. — Это покроет расходы на закупку жидкого азота для хранилища вплоть до двадцать второго века. Даже с учетом инфляционного коридора.

Леон поднял глаза от ладони. Савельев был молод, его эпигенетические часы, вероятно, едва перешагнули отметку в двадцать восемь лет. На его лице еще не было тех специфических маркеров метилирования ДНК, которые Леон научился определять с первого взгляда: едва заметная потеря тургора кожи у внешних уголков глаз, легкое изменение геометрии подбородка.

— Какая реальная доходность у этого фонда за последние тридцать лет, Савельев? — спросил Леон. Его голос прозвучал суше, чем он планировал.

— Четыре и две десятых процента выше инфляции, доктор Ксавье.

— Ни один финансовый инструмент в истории человечества не удерживал положительную реальную доходность на отрезке в триста лет, — Леон медленно повернул кисть, проверяя супинацию. — Ни один. Падут правительства, сменятся технологические уклады, валюта фонда превратится в цифровой мусор. Вы продаете клиентам пари-контракт. Паскаль девятнадцатого века обещал загробную жизнь в обмен на веру, вы обещаете дьюар с азотом в обмен на сто пятьдесят тысяч долларов. Суть та же. Опцион на надежду для тех, кто боится темноты.

— Но наши клиенты...

— Наши клиенты мертвы в момент начала процедуры, — перебил доктор Ксавье, поднимаясь с кресла. — Юридически они — трупы. Анатомический дар. Биологический материал без права собственности. Если ваш траст обанкротится через пятьдесят лет, судебные приставы отключат компрессоры и выставят наши вакуумные цистерны на аукцион как металлолом. Как это было в Чатсворте. Вы ведь помните Чатсворт, Савельев? Там пахло гнилым мясом и старыми деньгами.

В кабинете повисла тишина. Савельев начал сворачивать проекции графиков. Они оба знали, что Леон говорит не о клиентах.

Два месяца назад Леон прогнал собственный ликвор через секвенатор третьего поколения и обнаружил специфический белковый маркер — предвестник лобно-височной дегенера-

ции. Процесс уже шел. Нейроны коры головного мозга, те самые, что удерживали его тридцатилетний опыт в области молекулярной биологии, медленно, по одному, уходили в апоптоз. У него оставалось около сорока месяцев чистой когнитивной функции. Затем наступит деменция — стирание синаптического интерфейса личности.

Когда юрист вышел, Леон подошел к панорамному окну, за которым Москва тонула в плотном осеннем тумане. На стекле отражалось его лицо — лицо пятидесяти двухлетнего мужчины, который потратил половину жизни на то, чтобы научиться лечить рак, но оказался бессилен перед часами, зашитыми в его собственных хромосомах.

Крионика была тупиком, и Леон понимал это лучше любого инженера в его лаборатории. Теплопроводностный барьер человеческого тела невозможно обойти простым погружением в ванну с криопротектором. Пока охлаждаются внешние слои коры, внутренние структуры мозга — гиппокамп, таламус — остывают слишком медленно. Вода успевает собраться в микроскопические ледяные иглы, которые прошивают клеточные мембраны, как пули — бумагу. Разморозить такой мозг — все равно что попытаться собрать разбитую хрустальную вазу по молекулам.

Ему не нужен был азот. Ему нужен был чистый носитель.

Доктор Ксавье активировал терминал на своем рабочем столе. На экране вспыхнул закрытый архив проекта «ReTro-2». На черном фоне вращалась трехмерная модель цепочки ДНК с ярко-красными точками в местах метилирования.

— Если система не может быть законсервирована, она должна быть перезапущена, — произнес Леон в пустую комнату.

Он вызвал руководителя экспериментального блока в Шэньчжэне. Экран моргнул, и появилось усталое лицо доктора Чжана. За его спиной сквозь матовое стекло лаборатории были видны очертания инкубаторов.

— Чжан, как дела с третьей серией? — спросил Леон по-английски.

— Мы заменили трофобласт, как вы советовали, доктор, — Чжан потер переносицу. — Использовали клеточную массу здорового эмбриона-донора для формирования плаценты. Эпигенетический профиль ядра из вашей соматической клетки полностью принят яйцеклеткой. Синдрома большого плода нет. Суррогатная матка стабильна. Идет шестнадцатая неделя.

Леон почувствовал, как в груди что-то коротко и остро стукнуло. Там, на другом конце континента, в стерильной тишине подземного комплекса рос его абсолютный генетический двойник. Его клон. Млекопитающее отряда приматов, несущее в каждой клетке ядерную ДНК Леона Ксавье.

— Он развивается нормально? — тихо спросил Леон.

— Физиологически — безупречно. Счетчик теломер сброшен в ноль благодаря модифицированным факторам репрограммирования на стадии бластоцисты. Но доктор Ксавье... мы ведь оба понимаем. Это будет просто ребенок. С вашими глазами, вашей группой крови и вашей предрасположенностью к астигматизму. Но его мозг будет чист. На нем не будет вашей памяти. Не будет ваших знаний.

— Я знаю, — Леон закрыл глаза. — Это пустая флешка. И если мы не найдем способ переписать коннектом до того, как моя кора превратится в кашу, этот ребенок просто проживет свою собственную жизнь, пока я буду гнить в земле.

— Сканирование синапсов с нужным разрешением убьет вас, доктор. Послойный срез мозга на микротоме — это не процедура, это аутопсия.

— Значит, мы изменим правила игры, — Леон открыл глаза и посмотрел на вращающуюся модель ДНК. — Если я не могу переселиться в него, я заставляю свое собственное тело вспомнить, как быть молодым. Готовь лабораторию в Женеве, для работы с факторами Ямаки. Мы будем вводить мРНК-конструкции *in vivo*. Прямо в мою кровь.

Глава 2

Протокол «Чистая кассета»

Стеклянный цилиндр автоматического синтезатора Oligo-X глухо щелкнул, сбрасывая избыточное давление азота. Леон Ксавье не спал сорок часов. Его правый зрачок, расширенный из-за ударной дозы ноотропов, практически полностью перекрывал радужку.

На экране биореактора завершался процесс инкапсуляции.

— Профиль доставки готов, Леон, — Марк, ведущий биоинженер лаборатории, вывел на монитор молекулярную сетку. — Мы полностью отказались от аденоассоциированных вирусов. Иммунная система их сожрет при первом же системном введении, а печень откажет из-за токсического шока. Мы упаковали мРНК в **ионизируемые липидные наночастицы (LNP)** с добавлением ПЭГ-липидов для стерической стабилизации.

Леон подошел ближе, опираясь на край стола. Пальцы левой руки снова покалывало — ишемическое окно сужалось.

— Каков состав кассеты? — хрипло спросил он.

— Как вы и требовали, мы полностью вырезали *c-Myc*. Слишком высокий онкогенный риск, мы бы получили саркому в течение месяца. Внутри кассеты только три фактора: **Oct4**, **Sox2** и **Klf4**. Плюс модифицированные нуклеозиды (псевдоуридин) для обхода врожденного иммунного ответа клетки. Но главное не это. Главное — временной предохранитель.

Марк вывел на экран схему распада.

— Мы встроили в мРНК последовательность, чувствительную к внутриклеточной микроРНК-122. Через **семьдесят два часа** после введения экспрессия факторов OSK полностью прекращается. Клетка успевает запустить деметилирование ДНК, сбросить эпигенетический шум по часам Хорвата, но не успевает потерять свою идентичность. Она омолаживается, но остается нейроном. Или кардиомиоцитом. Никаких тератом.

— Теоретически, — тихо произнес Леон.

— На мышах это сработало. Риск дифференциации — менее нуля целых трех сотых процента. Но системное введение человеку... Леон, это триллионы наночастиц. Если ПЭГ-оболочка вызовет анафилаксию, ты умрешь от отека Квинке за сорок секунд.

— У меня нет сорока месяцев, Марк. Мой гиппокамп теряет по два процента синапсов в неделю. Запускай перфузию в первый контур.

В этот момент на панели безопасности вспыхнул желтый индикатор. Сработал внешний контур шифрования. Экран связи моргнул, и на нем появилось изображение с внешней камеры парковки подземного комплекса в Женеве.

Из черного минивэна вышли три человека в серых костюмах. Впереди шла женщина с жестким каре и планшетом, на котором тускло светился логотип ICGC — Международного комитета по биоэтике.

— Елена Варгас, — Леон нахмурился. — Она должна была быть в Вене до пятницы.

— Она зафиксировала аномальный закуп сырья, — Марк побледнел. — Мы провели через подставные фирмы триста литров трифосфатов модифицированных нуклеотидов. Такого объема хватит, чтобы репрограммировать небольшую армию. Или одного очень крупного инвестора. Она здесь по ордеру Интерпола.

— Б

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.